

Иероним Ясинский

У детей на ёлке

Иероним Иеронимович Ясинский

У детей на ёлке

«Дети в нарядных пёстрых платьицах и праздничных курточках застенчиво столпились в зале. Я вижу белокурые маленькие лица, вижу чёрные и серые глазки, с наивным любопытством устремлённые на красивую гордую ёлку, сверкающую мишурным великолепием. Бонна зажигает свечи, и точно пожар вспыхивает ёлка в этой большой комнате, где, кроме детей, сидят поодаль взрослые – мужчины и дамы...»

Иероним Ясинский

У детей на ёлке

Дети в нарядных пёстрых платьицах и праздничных курточках застенчиво столпились в зале. Я вижу белокурые маленькие лица, вижу чёрные и серые глазки, с наивным любопытством устремлённые на красивую гордую ёлку, сверкающую мишурным великолепием. Бонна зажигает свечи, и точно пожар вспыхивает ёлка в этой большой комнате, где, кроме детей, сидят поодаль взрослые – мужчины и дамы.

От ёлки по паркету вытянулись лёгкие причудливые тени, и на разноцветную толпу детей точно на букет цветов, рассыпавшийся в беспорядке, падают яркие лучи.

Я люблюсь детьми. Нельзя не заглядеться на этих милых крошек, чистых как ангелы, с невинным прошедшим и с радужным будущим. Когда отцам цена грош, все надежды возлагаешь на детей. В самом деле, не стоило бы, да и нельзя было бы жить, если б не было детей. Жизнь точно река. Она берёт начало из бесконечности и впадает в бесконечность. И если теперь волны её мутны, то, может, со временем грязь осядет, и их сменят прозрачные, кристальные струи...

Я думал эту думу, глядя на детей. И меня особенно пленяла трёхлетняя крошка, с коротко стриженными чёрными волосиками, с голыми пухлыми ручками, с голыми коленками. Она была в беленьком платьице, низко перевязанном лентой огненного цвета. Она посматривала на ёлку с восторгом и недоумением. Может быть, она первый раз видела ёлку. Но как только ей хотелось шумным движением выразить свою радость, она в страхе косилась на угол, где неподвижно стоял старик в чёрном сюртуке и с гладко выбритым лицом. Я вскоре заметил, что все дети боятся этого старика. Оттого они так застенчивы и так не по детски приличны.

Когда детям были розданы подарки, и гувернантка заиграла на фортепьяно, и дети стали танцевать, чинно и скучно, каждый раз благодаря своих дам, усиленно шаркая ножкой и разговаривая между собою шёпотом, я подозвал знакомую девочку-гимназистку и спросил:

– Скажите, кто этот старик?

Она покраснела, засмеялась и хотела убежать, но я удержал её за руку.

– Отчего же вы не отвечаете?

– Это Старый год, я его так прозвала! – проговорила она чуть слышно, лукаво сверкнув своими карими глазками, и затем прибавила. – Потому что он самый старый здесь! Сейчас тот мальчик рассказал нам, что Старый год ужасно злой. И бедная Соня, – она указала на крошечную девочку, которая мне так понравилась, – чуть не заплакала от страха... А знаете, мне пришла мысль назвать её Новым годом... потому что она самая молоденькая!

Сказав это, гимназистка бросилась от меня со всех ног и, схватив Соню на руки, закружилась по комнате. Старик нахмурил густые седые брови, нижняя губа его отвисла. Соня увидела его и расплакалась. Дети, разыгравшиеся было, притихли.

Я подошёл к старику. Он тупо взглянул на меня и сказал:

– Веселятся!.. Глупые! Поставь им ёлку, навешай того, сего, прочего, и довольно... Юный возраст! Юный возраст!

– Дети как дети, – произнёс я, чувствуя себя почему-то неловко перед этим глубоким стариком.

– Это ваша девочка? – с кислой гримасой спросил он, указывая на гимназистку, издали посматривавшую на нас не очень-то дружелюбно.

– Нет. У меня нет детей.

– Счастливый человек вы, милостивый государь, – проговорил старик.

Я взглянул на него с изумлением.

– А у вас есть дети?

Старик отыскал глазами икону, висевшую в противоположном углу, и набожно сказал:

– Благодарение Господу Богу моему, не имел и не имею... И не буду иметь! Я ненавижу детей, – убеждённо произнёс он.

– Откуда ж у вас такая ненависть к детям? – спросил я.

– Я, милостивый государь, вот уж двадцать лет директором учебного заведения и имел время возненавидеть их...

Он распространился в описаниях детских шалостей; губа его отвисала всё больше и больше, и было неприятно смотреть на его брезгливое и жестокое лицо.

Когда он кончил, я сказал:

– А ведь они не ошиблись. Вы знаете, все

эти дети, вот эти милые, хорошие дети, с неиспорченными благоухающими сердцами, не любят вас. Эту девочку, вон видите, в беленьком платьице...

– Знаю я её, скверная девочка, – проговорил старик.

– Так эту девочку, – продолжал я, – дети прозвали Новым годом, а вас – Старым годом. И так как старый год был отвратительный год, то из этого вы можете заключить...

Старик посмотрел на меня, нахмурившись.

– Поверьте, что их наказывать надо. Сегодня ёлка, завтра розги. Я изумляюсь, милостивый государь, что вы находите в них милого и благоуханного. А впрочем – честь имею быть вашим покорнейшим слугою.

Он сухо и гневно поклонился. Больше мы не разговаривали. Ровно в двенадцать часов уехал этот старик. Моя гимназистка захлопала в ладоши. Маленьких увезли раньше. Остались только дети лет по десяти, по двенадцати. Но Соня тоже осталась. И когда, среди внезапного оживления, дети закружились с громким смехом около потухшей ёлки, крошечная девочка вертелась тут же, весело по-

едая конфеты, белая как пушинка, в красном колпаке, доставшемся ей в подарок, и кричала:

– Я – Новый год! Я – Новый год!
январь 1884 г.